

Научная статья

УДК: 340.1

JEL: K00, K24

DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.32.56

Концепция мема (меметика) и первичные механизмы социокультурной эволюции права

Максим Викторович Залоило

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия 117218, Москва, Большая Черемушкинская ул., 34,

z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

Аннотация

Новые технологии и связанная с их распространением смена технологического уклада влияют на изменение ценностных ориентиров и установок личности, общества и нации, определяют динамику в их правовом поведении. Российская правовая культура оказывается перед лицом ранее неизвестных вызовов, обусловленных новой культурной доминантой высокотехнологичного общества, определяемой технологическим императивом. На смену утрачивающему актуальность и «умирающему» постмодернизму приходят диджимодернизм, автомодернизм и киберкультурализм, ведущие к сдвигу парадигмы культуры и ее переопределению. Актуализируются задачи сохранения сущностных характеристик культуры и модернизации базовых параметров на основе проектного прогнозирования, объединяющего проект и прогноз в единое целое. Целями исследования являются определение по аналогии с генетикой эволюционного алгоритма, стратегии, программирования трансформации правовой культуры и выявление первичных механизмов ее формирования, воспроизводства и развития в свете правовой меметики и кодирования релевантной информации в правовых мемах. Исследование базируется на юридическом прогнозировании и моделировании, постклассической методологии права, культуральном подходе, принципах конструктивизма и антропоцентризма. На основе обращения к новому междисциплинарному направлению — меметике, объясняющей культурную эволюцию посредством концепции мемов (условных единиц передачи культурного наследия), — анализиру-

ется значение правовой меметики и правовых мемов в механизме формирования и развития правовой культуры. Выявляются ключевые мемы правотворчества, факторы, способы и средства их вариаций и отбора, которые могут способствовать развитию или ограничению правовых норм и практик. Определяются модели управления мемами и их функционирования в рамках правовой системы. Резюмируется, что первичным механизмом воспроизводства мемов в праве является правотворчество, а правовая меметика позволяет исследовать динамику изменений правовой культуры и культуры правотворчества в контексте формирования и изменения правовых систем, решать задачи сохранения стабильности правовых регуляторов и придания им необходимой адаптивности, определять национально-правовую идентичность.

Ключевые слова

культура правотворчества; правовая меметика; цифровизация; паттерны правового поведения; кодирование социально-правового опыта; программирование правового поведения.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01773 (<https://rscf.ru/project/23-28-01773/>).

Для цитирования: Залоило М.В. Концепция мема (меметика) и первичные механизмы социокультурной эволюции права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 3. С. 32–56. DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.32.56

Research article

The Concept of Meme (Memetics) and the Primary Mechanisms of Socio-cultural Evolution of Law

Maksim V. Zaloilo

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow117218, Russia, z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

Abstract

New technologies and change of technological order associated with their spread affect the change of value orientations and attitudes of the individual, society and nation, determine the dynamics of the legal behavior of individuals and collectives. The Russian legal culture is facing previously unknown challenges caused by the new cultural dominant of a high-tech society, determined by the technological imperative. Postmodernism is losing its relevance and “dying” is being replaced by digimodernism, automodernism and cyberculturalism, leading to a significant shift in the cultural paradigm and its redefinition. The tasks of ensuring the preservation of its essential characteristics and modernization of basic parameters on the basis of project forecasting, combining the project and forecast into a single whole are being updated. The objectives of

the study are to determine, by analogy with genetics, the evolutionary algorithm, strategy, programming of the transformation of legal culture and to identify the primary mechanisms of its formation, reproduction and development in the light of legal memetics and coding of relevant information in legal memes. The research is based on legal forecasting and modeling, postclassical methodology of law, cultural approach, the principles of constructivism and anthropocentrism. Based on the appeal to a new and developing interdisciplinary field — memetics, that explains cultural evolution through the concept of memes (conditional units of transmission of cultural heritage), the importance of legal memetics and legal memes in the mechanism of formation and development of legal culture is analyzed. The key memes of law-making, factors, ways and means of their variations and selection, which may contribute to the development or restriction of legal norms and practices are identified. The models of managing of memes and of ensuring of their functioning within the framework of the legal system are determined. It is concluded that the primary mechanism of the reproduction of memes in law is law-making, and legal memetics allows us to study the dynamics of changes in legal culture and law-making culture in the context of the formation and change of legal systems, to solve problems of maintaining the stability of legal regulators and giving them the necessary degree of adaptability, to determine national legal identity.

Keywords

culture of law-making; legal memetics; digitalization; patterns of legal behavior; coding of social and legal experience; programming of legal behavior.

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01773 (<https://rscf.ru/project/23-28-01773/>).

For citation: Zaloilo M.V. (2024) The Concept of Meme (Memetics) and the Primary Mechanisms of Socio-cultural Evolution of Law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 3, pp. 32–56 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.3.32.56

Введение

Феномен культуры — уникальный объект научного познания, который в современной социальной реальности определяется как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [Степин В.С., 2011: 43]. Одна из сфер ее проявления — юриспруденция, где существует особая культура, воспроизводящая правовую реальность. Сущность правовой культуры заключается «в образе жизни, основанном на праве и верховенстве закона, правовых ценностях, в соответствии с которыми осуществляются законотворчество и правореализация» [Керимов Д.А., 1991: 18].

Культура эволюционирует по мере исторического развития человечества, становясь структурированным образованием, где на первом уровне — культурные феномены прошлого, на втором —

феномены, обусловленные запросами и потребностями общества, обеспечивающие воспроизводство форм социальной жизни, а на третьем — прогностические культурные феномены [Степин В.С., 2011: 58]. Право выступает в роли механизма отражения и преобразования явлений и процессов, и в современном мире правовая культура не может не испытывать влияния технологического фактора (речь идет прежде всего о спектре NBICS-технологий).

Цепь промышленных революций и последовательная смена технологических укладов привели к утверждению в развитых государствах информационного, постиндустриального, высокотехнологичного общества. Вместе с тем прогнозируется формирование пост-постиндустриального общества, для которого характерен тип коммуникаций «человек—высокая технология», и даже пост-пост-постиндустриального общества, где доминируют коммуникации «высокая технология—высокая технология» [Баранова М.В., 2020: 129–130].

Очевидно, что постмодерн как состояние современной культуры, для которой характерны социально-ментальная парадигма — постнеклассический тип рациональности и критика модернистских ценностей и концепций, с изменением характеристик общества тоже трансформируется. Соответствующие концепции и теории уже имеются. Их условно можно обозначить таким общим понятием, как постпостмодернизм, отражающим, в частности, трансформацию общества и его культуры путем изменения способа общения и коммуникации его членов вследствие доминанты технологического императива, усиления цифровизации (концепция диджимодернизма [Kirby A., 2009]), возрастания автоматизации и сетевого активизма (концепция автомодернизма [Samuels R., 2009]), вступления в новый период гибридной (на стыке реального и виртуального пространства) культуры (концепция киберкультурализма [Ghasemi M., 2024]).

В постиндустриальном обществе исследования права с позиции культуры приобретают особую актуальность [Мальцев Г.В., 2013]; [Честнов И.Л., Тонков Е.Н., 2018]; [Cotterell R., 2006]; [Nelken D., 2016: 45–62]; [Silbey S., 1992: 39–48]. В доктрине получают развитие идеи о тенденциях культурологизации права [Maurer B., 2004: 843–850]; [Rosen L., 2006], культурной сущности правотворчества [Тосунян Г.А., Санникова Л.В., 2018: 28–34], культурных основаниях различных форм реализации права [Крепышева С.К., 2019: 127–131].

Тематика культуры правотворчества в отмеченных обстоятельствах выходит за пределы проблематики права, находясь на стыке междисциплинарного синтеза многих областей научного знания (культурологии, политологии, социологии, философии, экономики и пр.),

применение которых в системной совокупности позволяет выявлять и исследовать факторы и потребности в правовом регулировании общественных отношений, прогнозировать динамику правового развития. Приметой наступающей эпохи является становление «новой правовой идентичности, источником которой выступает сфера технологий, меняющих характер права и его институтов, провоцирующих пересмотр базовых понятий права и правовых процедур» [Синюков В.Н., 2021: 11].

Исследования правовой культуры в целом и культуры правотворчества в частности требуют синтеза гуманитарного и естественного знания. Злободневные в условиях динамичных технологических и цивилизационных трансформаций, глобальных вызовов современности проблемы правовой эволюции обуславливают необходимость вовлечения в традиционно применяемую в юриспруденции методологию междисциплинарных методик и категорий для определения подходов и векторов формирования правовой культуры современного российского общества, способствующих поступательному развитию правовой сферы общества и государства.

Разработка и внедрение современных информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) вызвали создание новых каналов и средств распространения информации и трансляции культурных универсалий, включая паттерны правового поведения. Наряду с этими процессами утрачивают былое значение традиционные способы передачи культурных образцов и практик. Бывшие еще недавно привычными формы общения стремительно меняются, что особенно заметно в молодежной среде. Отсутствие реального постоянного контакта между поколениями оказывает деструктивное влияние на весь механизм социальной эстафеты. Воздействие технологического развития на правовую сферу является комплексным и многоплановым и затрагивает не только нормы права и механизмы их реализации, но также сказывается на правовых ценностях, лежащих в основе правовой культуры. Упрощение и ускорение информационного обмена, трансформации жизненных процессов в обществе программируемых коммуникаций влияют на воспроизведение в нем правокультурных единиц и трансляцию правокультурного наследия [Баранова М.В., 2020: 127].

Поэтому в аспекте когнитивно-информационной теории имеет научный и практический интерес использование правовой мемовтики (нового и перспективного междисциплинарного направления в юридической науке, основанного на соединении естественно-научного и гуманитарного знаний) для дополнительного объяснения

устоявшейся и формирующейся правовой культуры российского общества в условиях технологических и общественных трансформаций, обоснования проекций изменения национальной культуры правотворчества, в основе которой лежит закодированная в мемах культурно-правовая информация.

1. Культурная эволюция сквозь призму мемов

Меметика сложилась как подход к исследованию эволюционных моделей передачи культурного наследия на основе концепции мемов — мельчайших информационных паттернов, которые распространяются и видоизменяются подобно генам в процессе естественного отбора.

Концепция мема¹ как единицы передачи информации в человеческой культурной эволюции, способной к воспроизведению и распространению, была сформулирована биологом и этологом Ричардом Докинзом в 1976 году книге «Эгоистичный ген» и получила развитие в других его трудах («Расширенный фенотип» (1982), «Бог как иллюзия» (2006), в работах антрополога Роберта Онгера («Электрический мем» (2002), лингвистов Николаса Ритта («Эгоистичные звуки и лингвистическая эволюция: Дарвиновский подход к изменению языка» (2004), Стивена Уитти («Меметическая парадигма управления проектами» (2005).

Корнями меметика уходит также и в психологию. В 1898 году В.М. Бехтерев предложил концепцию психических микробов (*contagium psychicum*), передающихся подобно настоящим физическим микробам через слова и жесты окружающих лиц, книги, газеты и пр. [Бехтерев В.М., 1999: 169]. В 1990-х—начале 2000-х годов в литературе с позиций аналитической философии, психологии, информатики и кибернетики обосновывался науковедческий статус меметики [Броди Р., 2007]; [Lynch A., 1996], объектом которой была обозначена эволюция культуры («язык, мода на одежду и еду, обряды и обычаи, искусство и архитектура, технические знания и умения» [Докинз Р., 1989: 178]). В 1997–2005 гг. издавался посвященный меметике журнал “Journal of Memetics — Evolutionary Models of Information Transmission”. В 2010-е годы магистерские программы меметики были открыты в ряде европейских университетов.

¹ Правильнее было бы говорить «мим», поскольку это понятие восходит к греческому «μίμησις» (подобие), тем не менее, в силу устоявшегося употребления в русскоязычной науке словесной формы «мем», в последующем в статье будет использоваться именно она.

Понятия мема и меметики получили развитие в политологии [Виловатых А.В., 2018: 141–154], социологии [Зиновьева Н.А., 2016], филологии [Милованова М.В., Терентьева Е.В., 2022: 58–66], философии [Волошин В.В., 2023: 224–237], экономике [Schlaile M.P., 2021]. В каждой предметной области специфические когнитивные механизмы приводят к возникновению свойственной данной области культурной динамики. В отдельных работах меметику предлагается считать формирующейся междисциплинарной наукой об умственной деятельности человека, предметом исследования которой являются исторические, культурные, политические, социальные, экономические, правовые и иные типы мемов [Поляков Е.М., 2010: 160–165].

С другой стороны, непрекращающиеся дискуссии не позволяют однозначно ответить на вопрос о науковедческом статусе меметики. Вместе с тем в условиях смены парадигмы научного познания и выхода на передний план когнитивной методике анализа информации меметику можно скорее охарактеризовать в качестве специфического междисциплинарного направления в исследовании эволюционных изменений культурных систем, ориентированного на постижение смыслов.

В рамках меметики получили разработку процессы, в равной степени применимые как к биологической, так и к культурной эволюции: репликация (передача, копирование), вариация (изменение существующих и появление новых мемов) и отбор (воспроизводство, вытеснение адаптированными мемами менее адаптированных) мемов — с той разницей, что способ репликации мемов и сама культурная информация взаимосвязаны и взаимообусловлены, а число способов передачи культурной информации не ограничено, так как они претерпевают изменения вместе с ее содержанием. Мемы при этом, исходя из их широкой трактовки, понимаются в качестве условной социально-культурной единицы.

Их повторение и копирование служит трансляции культуры, передаче культурного знания или практики в рамках одного или между несколькими поколениями. Репликация мемов происходит тремя способами: вертикальным (от предыдущих поколений посредством различных культурных артефактов), горизонтальным (между индивидами одной возрастной группы) либо косвенным (от старшего индивида к младшему), наиболее стабилен из которых первый, хотя при неустойчивости внешних условий происходит более частое обращение к горизонтальному и косвенному способам передачи культурной информации [Claidière N., André J.-B., 2012: 13–18].

Механизм возникновения мема основывается на основополагающем критерии подражания. Культурная информация обрабатывается когнитивной системой, генерируется поведение, которое становится объектом информации для другой когнитивной системы, порождая тем самым культуру [Sperber D., 2001: 304–315]. Для своего воспроизводства мемы должны отвечать критериям, основными из которых признаются полезность, новизна, согласованность с имеющимися знаниями, выразительность, авторитетность, простота [Heylighen F., 1997: 63–67].

Распространяясь в процессе социальных коммуникаций, мемы (понятия, идеи, мысли, верования, паттерны поведения, тренды) «укореняются в человеческом сознании, взаимодействуют между собой» [Мальшева Е.В., Бынев А.А., 2016: 149], способствуют созданию абстрактного представления, «которое в силу своей привлекательности и множественного копирования становятся концептом, определяющим поведенческие акты, в том числе в целях преобразования тех реальных объектов, которые породили первоначальный мем» [Лазарев В.В., 2020: 14, 17]. Таким образом, они одновременно имеют характеристики единицы информации и процесса ее передачи [Зиновьева Н.А., 2016: 50] и, формируя под себя контекст, участвуют в конструировании социальной реальности, выступают программным кодом, определяющим поведение человека и формирующим личность. Не зря в макромасштабе мемы признаются основными строительными блоками культуры, а в микромасштабе — строительными блоками каждого человеческого сознания [Романов А.А., 2016: 5].

2. Меметика и мемы в механизме формирования правовой культуры

Меметика находит преломление в правовой плоскости (правовая меметика), где образует новое и развивающееся направление, сосредоточенное на исследовании влияния культурных, социальных и исторических явлений и факторов на развитие права, формирование и изменение правовых норм и практик, создание и применение нормативных актов. Правовая меметика способствует осуществлению количественного анализа эволюции права [Henke C., 2007: 13]. Исходя из теории правового развития С. Дикина, последнее — это особый тип общего эволюционного алгоритма, описанного Чарльзом Дарвином и ставшего основой современной эволюционной биологии [Deakin S., 2002: 28].

Как писал основоположник социологии права О. Эрлих, «центр тяжести развития права ... лежит не в законодательстве, не в юриспруденции и не в правоприменении, а в самом обществе» [Эрлих О., 2011: 64]. Эволюция права обусловлена взаимодействием между внешней информацией в обществе и процессом ее кодирования в рамках правовых норм и имеет кумулятивный характер (постепенные изменения правовых форм в сочетании с избирательным воздействием окружающей среды могут привести к появлению многофункциональных правовых институтов). Правовые явления и процессы не могут быть оптимальными, но являются адаптивными (отражают внутреннюю динамику изменений, которая формируется историческими условиями, а не predetermined конвергенцию в единой, уникальной форме или эволюционном пике). Правовое развитие осуществляется посредством процесса, аналогичного наследованию генетической информации в биологии, т.е. посредством передачи мемов [Deakin S., 2002: 2]. Определяя характер взаимосвязи человеческого поведения и права, необходимо указать, что последнее с помощью технико-юридического инструментария и языка права кодирует социально-правовой опыт и программирует правовое поведение индивидов.

Правовое воздействие на общественные отношения осуществляется не только через нормы права и правоотношения, но и через правосознание и правовую культуру. Частью правовой культуры являются мемы (правовые, или правокультурные) как единицы передачи правового культурного наследия (правокультурные единицы), детерминирующие изменения в праве [Баранова М.В., 2020: 127–128]. Мемы в праве — это репликаторы правовой информации. Их можно определить, разделив, как это определено Р. Докинзом, на все более мелкие единицы до тех пор, пока дальнейшее деление без потери их принадлежности к праву и их активной способности к копированию станет невозможным [Henke C., 2007: 16]. Это сложносоставные идеи, которые формируют отдельные запоминающиеся единицы [Dennet D, 1991: 201]. Мемы могут быть организованы в мемокомплексы (мемплексы) — устойчивые наборы взаимно поддерживающих мемов [Blackmore S., 1999: 19].

Мемами в области права, складывающимися в мемокомплексы, являются, например, правовые идеи, теории и концепции, юридические презумпции и конструкции, правовые принципы². В их числе

² Отдельного внимания заслуживают интернет-мемы профессионального сообщества юристов как средство интернет-коммуникации на юридическую тема-

правокультурные мемы различного уровня и генеза — «нормативный правовой акт в электронной среде, нормативная составляющая в интерпретационном акте, рецепция элементов иных правовых систем, идеологизация правового регулирования, дробление правовой регламентации, формализация правовой среды». Важнейшими источниками мемов в праве являются юридическая доктрина, правовые традиции и правовые ценности, а также конституции (на уровне правотворчества) и разъяснения высших судебных инстанций (на уровне правореализации), которые кодируют правовую информацию в концептуальную форму, тем самым способствуя ее межвременному распространению. Устойчивое словесное выражение получили такие культурно-правовые единицы, как «достаточная степень точности», «чувства верующих», «моральные страдания», «общепринятые моральные ценности» [Баранова М.В., 2020: 131].

Когнитивное понимание мема позволяет соотнести его с понятием концепта как своеобразного культурного гена, оперативной единицы памяти и концептуальной картины мира, комплексной кумулятивной единицы познания, которая была воспринята юриспруденцией [Гаврилова Ю.А., 2011: 132–188]. Подобно генетическому коду, правовые концепты изменяются медленнее содержания правовых норм. Точно так же, как способность генома точно копировать самого себя обеспечивает необходимое условие наследования информации, содержащейся в генетическом коде, так и относительная непрерывность «юридического кода» делает возможной вертикальную передачу содержащейся в нем информации.

Движение правовых мемов через вариации и отбор к равновесному состоянию права происходит через циклы правового развития. Как известно, правовая система развивается нелинейно, переживая периоды покоя и разрывов, вызванные внешними потрясениями, а не непрерывной адаптацией к окружающей среде [Deakin S., 2002: 13, 14]. В этом смысле эволюция права является круговой, а переход от одной стадии правового цикла к другому часто бывает обусловлен кризисом. Историческая смена циклов правового развития России (мегацикл дореволюционный, который по различным основаниям может быть разделен на несколько циклов, например, во взаимосвязи с теорией технологических революций/укладов; мегацикл советский, современный) была сопряжена с циклами социально-по-

тику, в определенной мере отражающее и даже формирующее правовую культуру. Однако они не имеют правовой формы и скорее относятся к медиатизации правового дискурса, а потому их рассмотрение осталось за рамками настоящего исследования.

литического и технологического развития. В условиях изменения правовых парадигм осуществляются вариации и отбор правовых мемов, что находит предметное выражение в реформировании системы права, отчетливо заметном в первых советских декретах и кодификациях, в масштабной модернизации всей системы отечественного законодательства после распада СССР.

Наряду с цикличностью другим объективным свойством правового развития выступает преемственность правовых традиций, юридический «эффект колеи» («зависимость от предшествующего пути развития»). Речь идет, в частности, об обусловленности эволюции права национальными правовыми традициями, восприятию в современных условиях правовых явлений, концепций, принципов предшествующих периодов. Передача культурно-правовых образцов и норм поведения посредством повседневного воспроизводства действительности обеспечивает сохранение и укрепление ценностной основы национальной правовой культуры.

Факторами отбора мемов в праве выступают: их приемлемость для юридического сообщества; непротиворечивость правовой системе, нормам более высокой юридической силы (конституциям), правовым традициям и правовым ценностям; легитимность; корреляция с социально-экономическим и политическим развитием. Отставание правовых концепций от социальных новаций означает несостоятельность соответствующей концепции, тогда как правовые инновации являются адаптацией правовых концепций к новому контексту. Для этого в доктрине в разрезе правомеметики применяются математические величины, в частности, в литературе обоснованы понятия «относительная пригодность мемов» (выражение информации об адаптации мема к окружающей среде и факторах отбора) и «период их полураспада» (внесение изменений в законодательство, временное правовое регулирование, правовое экспериментирование) [Henke С., 2007: 26]. С этих позиций увеличение периода полураспада правовых мемов (жизнеспособности, времени, в течение которого они сохраняют свои первоначальные характеристики) обеспечивается применением механизмов опережающего правотворчества, юридического прогнозирования.

Средства, способы и каналы распространения правовой информации постоянно модернизируются. Взаимодействие в сфере правового регулирования и правокультурный обмен детерминированы в настоящее время построением коммуникационных сетей между субъектами правоотношений, цифровыми формами правовых предписаний, широтой охвата потенциальной аудитории норм права,

возможностями выбора каналов получения правовой информации ее адресатами, потенциалом дистанционного общения в правовом поле. В этих условиях правокультурные мемы «являются уникальным средством передачи правовых универсалий широкому спектру лиц в максимально сжатой, образной и доступной форме, позволяющим повышать уровень правосознания и правовой культуры» [Баранова М.В., 2020: 130–132]. Среди выделяемых функций правовой культуры [Карташов В.Н., 2019: 42–45] особую важность приобретает та, что заключается в трансляции социально-правового опыта, посредством которой правовая культура обеспечивает юридическую преемственность, передачу правового наследия через правовые мемы.

3. Мемы правотворчества в модернизации его культуры

Выступая первым звеном в механизме правового регулирования, основой дальнейшего регулятивного действия права, правотворчество служит одним из основных механизмов отбора правовых мемов. В контексте правовой меметики культура правотворчества рассматривается как среда, в которой генерируются, реплицируются, адаптируются к обстоятельствам жизни общества и государства и воспроизводятся различные правовые мемы, включая правовые нормы, ценности, идеи и практики. Сам термин «правотворчество» сформировался в силу распространения в праве культурцентристской парадигмы, поскольку именно творчество является движущей силой и механизмом динамики культуры [Сазонникова Е.В., 2011: 7].

В основе любой культуры лежит мировоззрение. В современном обществе под воздействием различных факторов формируются новое мировоззрение и соответствующее ему правовое мышление. К этим факторам относятся, например: подвижность правового пространства, повышение удельного веса законов в общем массиве нормативных актов, технологизация права, конституционализация национального правового пространства, глобальные вызовы современности (финансово-экономические, климатические, пандемические, международная напряженность, переход от моноцивилизационной к многоцивилизационной модели мирового устройства и пр.). Трансформация культуры правотворчества в данном контексте может быть рассмотрена как процесс изменения состава и структуры мемов, а также их взаимодействия друг с другом. При этом стоящие перед культурой правотворчества задачи заключаются не только в формировании новых правокультурных концептов, но и

в сохранении имеющегося правового опыта, доказавшего свою состоятельность.

С другой стороны, мемы правотворчества — это единицы правокультурной информации, формирующие и изменяющие правовые нормы и практики. Они могут включать нормы, ценности, идеи, стереотипы и предубеждения, которые влияют на процесс создания и изменения нормативных правовых актов. Одним из ключевых аспектов правовой меметики является изучение того, как мемы правотворчества взаимодействуют друг с другом и как их взаимодействие влияет на формирование и изменение правовых систем. Это может помочь выявить ключевые мемы, которые могут способствовать развитию или ограничению определенных правовых норм и практик, а также определить стратегии для управления этими мемами и их функционирования в рамках правовой системы.

Среди основных мемов, существенным образом преобразующих современную культуру правотворчества, можно обозначить те, что связаны с последними технологическими новациями; это в частности цифровизация правотворчества, алгоритмизация права, машиночитаемое право.

Технологический императив в репликации, вариациях и отборе мемов правотворчества определяет направления трансформации культуры последнего: увеличение технологического компонента как за счет внедрения высоких технологий, так и за счет расширения спектра и модернизации известных юридических технологий, нередко составляющих симбиоз с информационно-телекоммуникационными; утверждение формулы человекоцентричного правотворчества и персонализация правового регулирования; появление новых функций (коммуникативной, аксиологической, прогностической, а также функции управления рисками); реструктуризация источников права; обретение правовыми регуляторами новых форм (цифровой и машиночитаемой, гибкой, циклической); переход объекта правотворчества в субъект либо квазисубъект (искусственный интеллект), появление нетипичных участников правотворческой деятельности и изменения ролей традиционных субъектов правотворчества (мемы «правотворческий краудсорсинг», «законодатель как посредник»); модернизация подходов к подготовке норморайтеров.

Цифровые технологии и соответствующие им модернизации известных юридических технологий (экспертиза нормативных актов и их проектов, правовые мониторинг, краудсорсинг и др.) значительно повышают возможности надлежащего качества правотворческих решений.

На государственном уровне поставлена задача создания цифрового стандарта нормативного правового акта. Разработанный учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России законопроект «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» оперирует термином «электронный нормативный правовой акт», предусматривая опубликование соответствующего документа на специальном правовом ресурсе электронной информации и его полную аутентичность принятому в обычном порядке нормативному акту.

Одновременно получила концептуальную стратегическую основу и широко дискутируется идея перехода к созданию нормативных актов сразу в цифровой (машиночитаемой) форме, изложению их на языке программирования, понятном машинам. В мировой практике известны эксперименты с переводом в машиночитаемый вид отдельных законов. Однако в машиночитаемый формат можно перевести далеко не все законы, что в первую очередь относится к предписаниям, требующим человеческого суждения. Наиболее подходящими для такого перевода могут стать нормы, регулирующие оказание государственных (муниципальных) услуг.

Технологическая трансформация субъектного состава процесса создания нормативного акта непосредственным образом влечет изменение и механизма передачи и отбора единиц культурно-правовой информации, трансляция которых посредством цифровых технологий без вмешательства человека может вызвать риски технологической сингулярности, нарушения эстафеты передачи указанной информации, передачи негативных (неправовых) универсалий и транслирования деструктивных паттернов правового поведения, не отвечающих свойствам легитимности, законности, вступающих в существенные противоречия с национальной правовой традицией.

Ускорение процессов обработки правовой информации, несомненно, упрощает организацию отдельных правотворческих процедур. Овладение их участниками качественно иными — технологическими навыками в дополнение к знаниям в области юриспруденции в целом и юридической техники в частности позволит ускорить передачу и воспроизводство правовой информации и развития правотворческих практик. В рамках объявленной Президентом Российской Федерации реформы образования³ могла бы получить реализацию

³ Указ Президента Российской Федерации от 12.05. 2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3535.

новая — технологическая парадигма системы профессионального юридического образования.

4. Правотворческие юридические технологии как средства передачи и отбора правовых мемов

Ныне процессы передачи и отбора правовых мемов претерпевают изменения ввиду развития правотворческих юридических технологий — правотворческого краудсорсинга, юридического прогнозирования и правового экспериментирования, правотворческой экспертизы. Первая из них, развиваясь в формах общественного обсуждения, общественной экспертизы проектов нормативных актов, народной (гражданской) правотворческой инициативы, реализуется с применением ИКТ на площадках regulation.gov.ru, roi.ru, а кроме того опробована во время голосования по поправкам к Конституции Российской Федерации в 2020 году.

Однако действенность краудсорсинговых технологий недостаточна ввиду цифрового неравенства и низкой общей правовой культуры граждан. Хотя интенсификация общественного участия в правотворческом процессе привлекает внимание граждан к правовой сфере, способствует укреплению правосознания и в долгосрочной перспективе — повышению уровня правовой культуры, распространение краудсорсинговых практик в правотворчестве чревато доминированием обыденного понимания правовой сферы и правотворческих практик, упрощением языка права, сокращением периода полураспада правовых мемов, рисками злоупотребления правом и цифрового активизма.

В рамках юридического прогнозирования и правотворческого эксперимента также имеют место репликация, вариации и отбор реплицируемых правовых мемов. Апробация проектируемой правовой модели производится в ходе эксперимента в ограниченном масштабе для подтверждения или, наоборот, опровержения рабочей гипотезы о необходимости и содержательной стороне правового регулирования тех или иных общественных отношений. Экспериментальное правовое регулирование в новейшей правовой истории России было предусмотрено рядом федеральных законов и осуществлялось в налоговой политике, программах развития гражданской службы, образования, туризма и др. Результатом правотворческого эксперимента становится вытеснение адаптированными мемами менее адаптированных, что продемонстрировали примеры проведения единого государственного экзамена, создания государствен-

ной системы бесплатной юридической помощи, дистанционного электронного голосования, налогообложения самозанятых и пр. Проведение правотворческих экспериментов получило правовую регламентацию за рубежом. Тем не менее методологический потенциал эксперимента используется в правотворчестве пока не в полной мере.

Другим способом отбора правовых мемов выступает установление переходного периода (временного промежутка, предусматриваемого для осуществления поэтапного перехода от одного правового режима к другому, гармоничного и плавного внедрения новых законодательных правил, минимизации возможных негативных последствий их реализации), что получило распространение в российской и зарубежной законодательной практике, в частности, при введении в действие новых законодательных актов, внесении существенных изменений в действующие нормативные акты. Необходимость установления переходного периода для адаптации граждан к новому (изменяемому) правовому регулированию тех или иных общественных отношений находит отражение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации⁴.

«Законотворчество, основанное на свободном усмотрении законодателя, закрепляет нормы права, не соответствующие закономерному ходу развития общества и государства, деформирует правовую культуру населения», а создаваемые таким образом препятствия реализации прав и свобод граждан «формируют в их сознании юридический нигилизм и инфантилизм» [Сырых В.М., 2023: 39–40]. В связи с этим повышается значение таких принципов правотворчества, как профессионализм и научность. Особая роль в создании качественного нормативного акта отводится научно-правовой экспертизе, которая призвана отчасти преодолеть разрыв между правотворчеством и наукой.

На преодоление разрыва также ориентированы научные концепции — развития законодательства, а также крупных нормативных актов (как правило — федеральных законов, посвященных новому предмету регулирования). Актуальным направлением трансформации культуры правотворчества выступает институционализация

⁴ См. постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2001 № 8-П // СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276; от 29.01.2004 № 2-П // СЗ РФ. 2004. № 6. Ст. 450; от 20.04.2010 № 9-П // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2277; от 20.07.2011 № 20-П // СЗ РФ. 2011. № 33. Ст. 4948; от 17.06.2013 № 13-П // СЗ РФ. 2013. № 25. Ст. 3206; от 15.02.2016 № 3-П // СЗ РФ. 2016. № 8. Ст. 1167; от 15.02.2019 № 10-П // СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 820.

правотворческого консалтинга, предполагающего: разработку идей и концепций проектов нормативных актов, юридико-техническое оформление правотворческого решения, оценку полезности действия норм, установление рисков, связанных с новыми правовыми решениями, построение юридических прогнозов.

5. Рецепция, юридическая трансплантация и сближение правовых систем в механизме репликации и отбора правовых мемов

Важными функциями правовой системы являются стандартизация и передача сложной информации так, чтобы распространить торговый оборот за пределы локализованных сообществ, тем самым расширяя сферу разделения труда [Deakin S., 2002: 18]. В связи с этим традиционным механизмом копирования мемов выступает рецепция правовых концепций и норм в рамках вертикальной и горизонтальной передачи знаний. Вместе с тем практика демонстрирует, что рецепция, особенно в современных условиях, не всегда проходит успешно. Так, в Средние века рецепция римского права имела «конкретные социально-экономические причины» (внедрение капиталистического способа производства, основанного на товарно-денежных отношениях) [Комаров А.С., 2023: 34]. Поэтому отбор правовых мемов из других правовых систем должен оцениваться как исходя из национальных правовых традиций и социально-экономического контекста, так и в русле юридико-технической совместимости заимствуемых концепций и норм и собственного национального правопорядка.

В 1970-х годах А. Уотсон разработал альтернативную теорию правового развития посредством юридической трансплантации: эволюция национального права определяется не социально-экономическими условиями или культурными традициями стран, а происходит в результате внешнего заимствования, перемещения юридико-технически сопоставимых правовых норм и институтов из одной правовой системы в другую. В отличие от рецепции юридическая трансплантация правовых мемов не учитывает юридического «эффекта колеи». Внедрение чужеродных правовых элементов в национальную систему права снижает действенность создаваемого таким образом правового регулирования и уровень правовой культуры, причем далеко за пределами правотворчества. В каждой юрисдикции определенная форма социально-экономического поведения развивается параллельно с определенным типом правового дискурса

са. Правовые концепции кодируют информацию, относящуюся к средствам решения проблем координации в данной ситуации, переводя правила в более широкие концептуальные или догматические юридические категории [Deakin S., 2002: 20–21]. Другой путь — автономного правового развития в условиях конвергенции и сближения правовых систем в чистом виде не может послужить формированию и распространению правовых универсалий, которые должны отвечать не только внутреннему контексту, но и внешним реалиям правового развития.

Сближение правовых систем осуществляется в русле унификации и гармонизации, распространившихся в сфере частного права под влиянием глобализации и постепенно замещающей ее в последние годы регионализации. Унификация и гармонизация — способы создания правовых предписаний, единообразно или схожим образом регулирующих частнопровые отношения в самых разных правовых системах, выступают распространенными трансграничными механизмами отбора жизнеспособных правовых мемов. Величина периода полураспада унифицированных правовых мемов объясняется появлением новых акторов правотворчества. Наряду с государствами эти функции приобретают иные структуры и организации, объединения бизнеса.

Один из известнейших частнопровых инструментов — Принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА⁵ — являются собой не только источник унифицированных норм международного договорного права, сборник передовых правотворческих практик различных государств, но предлагают новаторские решения, многие из которых ранее не были известны национальным, наднациональным и международному правопорядкам и выработаны специально на основе трансграничной договорной практики для регламентации международного коммерческого оборота. Развитие подобного рода частных кодификаций международного частного права свидетельствует об изменениях процесса отбора правовых мемов, который органично дополняется расширением содержания и сфер применения принципа автономии воли в регулировании трансграничных частнопровых отношениях, практикой применения таких вненациональных регуляторов международным коммерческим арбитражем (и в ряде случаев — национальными судами).

Однако несмотря на очевидные преимущества унификации и гармонизации в создании правового регулирования частнопровых

⁵ UNIDROIT Principles 2016. Available at: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/> (accessed: 01.12.2023)

отношений с иностранным элементом, период полураспада транслируемых и отбираемых правовых мемов часто невысок вследствие фрагментации, присущей этим процессам, существо которой заключается в объеме огромного нормативного массива межгосударственных (конвенциональных, обязательных) и негосударственных (рекомендательных) регуляторов на глобальном и региональных уровнях, зачастую не отвечающих в своей совокупности требованиям полноты и системности правового регулирования, коллидирующих с другими унифицированными правовыми инструментами либо сверхимперативными нормами национальных правопорядков.

С точки зрения правовой меметики и полицентристской модели международного правотворчества эффективность унифицированных (гармонизированных) норм зависит не только от числа участников той или иной международной конвенции, но и от широкого применения не обладающих обязательным характером негосударственных регуляторов участниками соответствующих отношений, государственными судами или арбитражными институтами.

6. Циклические мемы антикризисного правотворчества

Правовая система динамична, а предназначение права как ведущего социального регулятора заключается в оперативном реагировании на процессы, протекающие в обществе, и адекватном отражении этих изменений в виде юридических предписаний. Зависимость правового развития от социальной, экономической, политической и прочих сфер жизни общества предопределяет особенности репликации, вариаций и отбора мемов в условиях глобальных кризисных ситуаций, что продемонстрировала недавняя пандемия коронавируса и обусловленное чрезвычайными обстоятельствами антипандемическое правовое регулирование, созданное как в России, так и в других государствах, а также на наднациональном и международном уровнях. С нарастанием кризисов растет роль чрезвычайного, антикризисного, экстраординарного правотворчества. В правотворчестве в ответ на стремительное изменение условий жизни общества под воздействием кризисных факторов формируются и опробуются ситуативные правовые модели и регулятивные практики (электронное голосование, дистанционный режим работы, онлайн-правосудие), предпосылки которых обнаруживаются и в других процессах (например, в цифровизации), однако катализатором и фактором вариации уже сложившихся правовых мемом служат именно кризисные ситуации.

Правотворческая практика последних лет характеризуется внедрением новых циклических мемов, имеющих долгосрочный характер и функционирующих не столько на уровне доктрин, сколько определяющим образом трансформирующих культуру правотворчества. К таковым относятся циклические антипандемический и антисанкционный правовые массивы. Их особенность заключается в разнонаправленной репликации формирующихся правовых мемов (антипандемического, антисанкционного) в различных отраслях и институтах законодательства и детерминации изменений всего правового поля. Растет значение прогнозного видения динамики правовой сферы на уровне доктрин, стратегий и концепций. Качественные изменения происходят в понимании самой сути правотворчества, которое из средства поиска права и отражения его в нормативных установлениях преобразуется в инструмент конструирования социально-правовой реальности.

Заключение

В условиях динамизма социального взаимодействия, разнонаправленности индивидуальной активности, приращения технологических инноваций происходят качественные изменения человеческой цивилизации, формирование общества нового типа, парадигмальные изменения его ценностно-нормативной основы, культурно-правовых констант, мировоззренческих координат и поведенческих стереотипов. В таких обстоятельствах, сопряженных с кризисами экономического, эпидемиологического, политического порядков, закономерно встает вопрос определения векторов и координат трансформации культурной матрицы и, в частности (применительно к правовой сфере), такого среза правовой культуры, как культура правотворчества. Усложнение правовой реальности, невозможность объяснить многообразие проявлений права однолинейными схемами, общепризнанными правовыми категориями диктуют необходимость дополнения их набора. Для этих целей ввиду эмерджентности права и социальной среды перспективно применение правовой меметики, отвечающей за кодирование информации в правовых мемах.

Правотворчество является основным механизмом отбора (воспроизводства) мемов посредством юридического прогнозирования, экспериментирования и краудсорсинга, концептуального обоснования и научной экспертизы проектов нормативных актов, рецепции норм права, юридической трансплантации, сближения правовых систем в форме унификации и гармонизации права.

Вместе с тем новые циклы правового развития определяют формирование новых правовых мемов, существенно преобразующих правовую культуру в целом и культуру правотворчества в частности (цифровизация правотворчества, алгоритмизация права, машиночитаемое право). Правовая меметика позволяет исследовать динамику культурных изменений в правотворчестве, выявлять ключевые мемы и анализировать их взаимодействие друг с другом в контексте формирования и изменения правовых систем, решать задачи сохранения стабильности правовых регуляторов и приданию им необходимой адаптивности, определять собственную национально-правовую идентичность.

Список источников

1. Баранова М.В. Правокультурные мемы в обществе программируемых коммуникаций / Право и закон в программируемом обществе. К 100-летию со дня рождения Даниэла Белла): сборник статей / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Норма, 2020. С. 126–132.
2. Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. Т. 2. Объективное изучение личности. СПб: Алетейя, 1999. 281 с.
3. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М.: Поколение, 2007. 304 с.
4. Виловатых А.В. Меметика как инструмент современного информационного противоборства // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 5. С. 141–154.
5. Волошин В.В. Мем и меметика: эпистемологический ракурс // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 224–237.
6. Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права (философско-правовой аспект). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. 154 с.
7. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ, 2013. 245 с.
8. Зиновьева Н.А. Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ интернет-мемов: автореф. дис. ... к. с. н. СПб., 2016. 26 с.
9. Карташов В.Н. Юридическая культура, антикультура и ответственность в правовой системе общества. М.: Проспект, 2019. 352 с.
10. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М.: Юрид. лит., 1991. 160 с.
11. Комаров А.С. О реформировании национального гражданского права в переходный период / Международное частное право: преемственность и развитие: сборник материалов Международной конференции к 130-летию юбилею Л.А. Лунца / отв. ред. Н.Г. Доронина. М.: КОНТРАКТ, 2023. С. 33–42.
12. Крепышева С.К. Основы криминалистической культуры правоприменения // Право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 127–131.
13. Лазарев В.В. Государство в свете мемологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 5–18.

14. Малышева Е.В., Бынев А.А. Меметика: проблемы и перспективы / Языковой дискурс в социальной практике: материалы международной конференции. Тверь: Тверской государственный университет, 2016. С. 148–151.
15. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М.: Норма, 2013. 607 с.
16. Милованова М.В., Терентьева Е.В. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в России // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 93. № 4. С. 58–66.
17. Поляков Е.М. Меметика: наука или парадигма? // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2010. № 2. С. 160–165.
18. Романов А.А. Механизмы распространения «вирусных» идей в инфосфере регулятивно-меметической реальности // Мир лингвистики и коммуникации. 2016. № 2. С. 1–19.
19. Сазонникова Е.В. Культурологизация конституционного правотворчества и правоприменения // Культура: управление, экономика, право. 2011. № 4. С. 7–8.
20. Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex Russica. 2021. № 2. С. 9–21.
21. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: Университетское, 2011. 408 с.
22. Сырых В.М. Правовая культура общества — объективная основа действующего законодательства // Правовая культура. 2023. № 2. С. 30–40.
23. Тосунян Г.А., Санникова Л.В. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28–34.
24. Честнов И.Л., Тонков Е.Н. (ред.). Культуральные исследования права. СПб.: Алетейя, 2018. 466 с.
25. Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.
26. Blackmore S. The meme machine. Oxford: University Press, 1999. 258 p.
27. Claidière N., André J.-B. The transmission of genes and culture: a questionable analogy. *Evolutionary Biology*, 2012, vol. 39, pp. 12–24.
28. Cotterrell R. Law, culture and society: legal ideas in the mirror of social theory. Aldershot: Ashgate Publishing, 2006. 208 p.
29. Deakin S. Evolution for our time: a theory of legal memetics. *Current Legal Problems*, 2002, vol. 55, no. 1, pp. 1–42.
30. Dennet D.C. Consciousness explained. New York: Little, Brown and Company, 1991. 511 p.
31. Ghasemi M. Paradigms of cyberculturalism in post-postmodernity. In: T. Tsim-pouki et al. (eds) *American studies after postmodernism. Renewing the American narrative*. Cham: Palgrave Macmillan, 2024, pp. 309–328.
32. Henke C. Memetik und recht. *Humboldt Forum Recht*, 2007, no. 2, S. 13–26.
33. Heylighen F. Objective, subjective and intersubjective selectors of knowledge. *Evolution and Cognition*, 1997, no. 3, pp. 63–67.
34. Kirby A. Digimodernism. How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture. New York– London: Continuum, 2009. 290 p.
35. Lynch A. Thought contagion. How belief spreads through society. New York: Basic Books, 1996. 182 p.
36. Maurer B. The cultural power of law? Conjunctive readings. *Law & Society Review*, 2004, vol. 38, no. 4, pp. 843–850.

37. Nelken D. Comparative legal research and legal culture: facts, approaches, and values. *Annual Review of Law and Social Science*, 2016, vol. 12, pp. 45–62.
38. Rosen L. *Law as culture: an invitation*. Princeton: University Press, 2006. 232 p.
39. Samuels R. Automodernity: autonomy and automation after postmodernity. In: *New media, cultural studies, and critical theory after postmodernism. Education, psychoanalysis, and social transformation*. New York: Palgrave Macmillan, 2009, pp. 3–25.
40. Schlaile M.P. (ed.) *Memetics and evolutionary economics: to boldly go where no meme has gone before*. Cham: Springer International Publishing, 2021. 224 p.
41. Silbey S. Making a place for cultural analyses of law. *Law & Social Inquiry*, 1992, vol. 17, no. 1, pp. 39–48.
42. Sperber D. Conceptual tools for a natural science of society and culture. *Proceedings of the British Academy*, 2001, no. 111, pp. 297–317.

References

1. Baranova M.V. (2020) Law-cultural memes in a program communications society. In: *Law and statute in the programmed society (100th jubilee of Daniel Bell): collection of papers*. V.V. Lazarev (ed.). Moscow: Norma, pp. 126–132 (in Russ.)
2. Bekhterev V.M. (1999) *Selected works on personality psychology*. Vol. 2: Objective study of personality. Saint Petersburg: Aleteya, 281 p. (in Russ.)
3. Blackmore S. (1999) *The meme machine*. Oxford: University Press, 258 p.
4. Brodie R. (2007) *Virus of the mind. How your mind is programmed*. Moscow: Pokolenie, 304 p. (in Russ.)
5. Chestnov I.L., Tonkov E.N. (eds.) (2018) *Cultural studies of law*. Saint Petersburg: Aleteya, 466 p. (in Russ.)
6. Claidière N., André J.-B. (2012) The transmission of genes and culture: a questionable analogy. *Evolutionary Biology*, vol. 39, pp. 12–24.
7. Cotterrell R. (2006). *Law, culture and society: legal ideas in the mirror of social theory*. Aldershot: Ashgate Publishing, 208 p.
8. Dawkins R. (2013) *The selfish gene*. Moscow: AST, 245 p. (in Russ.)
9. Deakin S. (2002) Evolution for our time: a theory of legal memetics. *Current Legal Problems*, vol. 55, no. 1, pp. 1–42.
10. Dennet D.C. (1991) *Consciousness explained*. New York: Little, Brown and Company, 511 p.
11. Ehrlich E. (2011) *The foundation of the sociology of law*. Saint Petersburg: University, 704 p. (in Russ.)
12. Ghasemi M. (2024) Paradigms of cyberculturalism in post-postmodernity. In: T. Tsimpouki et al. (eds.) *American studies after postmodernism. Renewing the American narrative*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 309–328.
13. Gavrilova Yu. A. (2011) *The semantic field of law (philosophical and legal aspect)*. Volgograd: University, 154 p. (in Russ.)
14. Henke C. (2007) Memetik und recht. *Humboldt Forum Recht*, no. 2, S. 13–26.
15. Heylighen F. (1997) Objective, subjective and intersubjective selectors of knowledge. *Evolution and Cognition*, no. 3, pp. 63–67.
16. Kartashov V.N. (2019) *Legal culture, anti-culture and responsibility in the legal system of society*. Moscow: Prospekt, 352 p. (in Russ.)

17. Kerimov D.A. (1991) *Culture and technique of lawmaking*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 160 p. (in Russ.)
18. Kirby A. (2009) *Digimodernism. How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture*. New York– London: Continuum, 290 p.
19. Komarov A.S. (2023) Reform of national civil law in the transitional period. In: Private international law: continuity and development. Papers of international conference. N.G. Doronina (ed.). Moscow: Kontrakt, pp. 33–42 (in Russ.)
20. Krepysheva S.K. (2019) Basics of forensic law enforcement culture. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta*=Bulletin of Nizhni Novgorod University, no. 6, pp. 127–131 (in Russ.)
21. Lazarev V.V. (2020) State in the light of memology. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 3, pp. 5–18 (in Russ.)
22. Lynch A. (1996) *Thought contagion. How belief spreads through society*. New York: Basic Books, 182 p.
23. Maltsev G.V. (2013) *Cultural traditions of law*. Moscow: Norma, 607 p. (in Russ.)
24. Malysheva E.V., Bynev A.A. (2016) Memetics: issues and perspectives. In: Linguistic discourse in social practice: papers of international conference. Tver: Tver State University, pp. 148–151 (in Russ.)
25. Maurer B. (2004) The cultural power of law? Conjunctive readings. *Law & Society Review*, vol. 38, no. 4, pp. 843–850.
26. Milovanova M.V., Terentjeva E.V. (2022) Internet memes as a relevant phenomenon of political Internet communication in Russia. *Gumanitarnye i socialnye nauki*=The Humanities and Social Sciences, vol. 93, no. 4, pp. 58–66 (in Russ.)
27. Nelken D. (2016) Comparative legal research and legal culture: facts, approaches, and values. *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 12, pp. 45–62.
28. Polyakov E.M. (2010) The memetika: science or the paradigm? *Vestnik Voronezhskogo universiteta*=Bulletin of Voronezh State University, no. 2, pp. 160–165 (in Russ.)
29. Romanov A.A. (2016) Mechanisms for disseminating of “viral” ideas in information space of regulatory and memetic reality. *Mir lingvistiki i kommunikacii*=World of Linguistics and Communication, no. 2, pp. 1–19 (in Russ.)
30. Rosen L. (2006) *Law as culture: an invitation*. Princeton: University Press, 232 p.
31. Samuels R. (2009) Automodernity: autonomy and automation after postmodernity. In: New media, cultural studies, and critical theory after postmodernism. Education, psychoanalysis, and social transformation. New York: Palgrave Macmillan, pp. 3–25.
32. Sazonnikova E.V. (2011) Cultural studies of constitutional lawmaking and law enforcement. *Kultura: upravlenie, ekonomika, pravo*=Culture: Management, Economy, Law, no. 4, pp. 7–8 (in Russ.)
33. Schlaile M.P. (ed.) (2021) *Memetics and evolutionary economics: to boldly go where no meme has gone before*. Cham: Springer International, 224 p.
34. Silbey S. (1992) Making a place for cultural analyses of law. *Law & Social Inquiry*, vol. 17, no. 1, pp. 39–48.
35. Sinyukov V.N. (2021) Law of the 20th and 21st centuries: continuity and innovations. *Russkiy zakon*=Lex Russica, no. 2, pp. 9–20 (in Russ.)
36. Sperber D. (2001) Conceptual tools for a natural science of society and culture. *Proceedings of the British Academy*, no. 111, pp. 297–317.

37. Stepin V.S. (2011) *Civilization and culture*. Saint Petersburg: University, 408 p. (in Russ.)
 38. Syrykh V.M. (2023) Legal culture in society as objective basis for current legislation. *Pravova kultura*=Legal Culture, vol. 53, no. 2, pp. 30–40 (in Russ.)
 39. Tosunyan G.A., Sannikova L.V. (2018) Culture of law-making in modern Russia. *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, no. 3, pp. 28–34 (in Russ.)
 40. Vilovatykh A.V. (2018) Memetics as an instrument for modern informational confrontation. *Problemy natsionalnoi strategii*=Issues of National Strategy, no. 5, pp. 141–154 (in Russ.)
 41. Voloshin V.V. (2023) Meme and memetics: epistemological angle. *Vestnik Tulskogo gosudarstvennogo universiteta*=Bulletin of Tula State University, no. 1, pp. 224–237 (in Russ.)
 42. Zinovieva N.A. (2016) Translation of socio-cultural codes in the creation of an information product: analysis of Internet memes. Candidate of Sociological Sciences Summary. Saint Petersburg, 26 p. (in Russ.)
-

Информация об авторе:

М.В. Залоило — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author:

M.V. Zaloilo — Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted to editorial office 13.12.2023; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.